

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-107-112>
УДК 821.161.1.09"19"

Николаева Евгения Васильевна
Московский педагогический государственный университет

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»: К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье впервые проводится сравнительный анализ замечаний А.С. Пушкина о своей поэме «Кавказский пленник» и одноименного рассказа Л.Н. Толстого, написанного для детского чтения и помещенного в «Азбуке». Во второй половине 1850-х гг. Толстой внимательно читает биографию Пушкина, написанную П.В. Анненковым для подготовленного им собрания сочинений поэта. Можно считать, что с этого времени начинается сознательное изучение писателем прозы Пушкина, которая раньше не привлекала его. В этой книге Толстой отмечает карандашным отчеркиванием среди других сведений неотправленное письмо поэта к Н.И. Гнедичу, в котором автором поэмы критически разбираются ее недостатки. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Толстой переживает серьезный творческий кризис, вызванный неудовлетворенностью современным состоянием художественной литературы, особенно языком. Он начинает ориентироваться на язык «народной литературы», впервые применив новые «приемы писания» при создании детских рассказов для «Азбуки». Сравнение критических замечаний Пушкина в адрес своего произведения с содержанием, образами героев и сюжетными линиями в рассказе Толстого «Кавказский пленник» убеждает в том, что писатель учел пушкинские замечания, получив от поэта подлинный урок мастерства.

Ключевые слова: Пушкин, Толстой, Анненков, рассказ, творческая история, «Азбука», «Кавказский пленник»

Информация об авторе: Николаева Евгения Васильевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>, доктор филологических наук, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

E-mail: nikolaeva.ev.vas@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.09.2020

Для цитирования: Николаева Е.В. Рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник»: к вопросу о творческой истории // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 107-112. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-107-112>

Yevgeniya V. Nikolayeva
Moscow State Pedagogic University

LEO TOLSTOY'S NOVELLA "THE PRISONER OF THE CAUCASUS": ON THE QUESTION OF CREATIVE HISTORY

For the first time, the article presents a comparative analysis of Alexander Pushkin's remarks about his poem "The Prisoner of the Caucasus" and Leo Tolstoy's short story of the same name, written for children's reading and placed in «The Alphabet Book». In the second half of the 1850s, Leo Tolstoy carefully and with numerous notes read the biography of Pushkin, published by Pavel Annenkov for the collected works of the great author. We can assume that from this time the writer begins a conscious study of Pushkin's prose, which previously had not attracted him. In this book, Leo Tolstoy marks out in pencil, among other information, the unsent Pushkin's letter to Nikolay Gnedich, in which the author of the poem critically examines its shortcomings. In the late 1860s and the early 1870s, Leo Tolstoy was experiencing a serious creative crisis caused by dissatisfaction with the state of fiction, especially language, of that time. He begins to focus on the language of «folkish literature», for the first time applying new «writing techniques» when creating children's stories for «The Alphabet Book». Comparison of Pushkin's critical remarks about his work with the content, images of the main characters, minor characters and their storylines in Leo Tolstoy's story «The Prisoner of the Caucasus» convinces that the writer took into account Pushkin's remarks, having received from Puskin a genuine lesson in skill.

Keywords: Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, Pavel Annenkov, novella, creative history, "Alphabet Book", "Prisoner of Caucasus"

Information about the author: Yevgeniya V. Nikolayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621> Doctor of Philological Sciences, Moscow State Pedagogic University, Moscow, Russia

E-mail: nikolaeva.ev.vas@yandex.ru

Article received: September 28, 2020

For citation: Nikolayeva Ye. V. Leo Tolstoy's novella "The Prisoner of the Caucasus": on the question of creative history // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 107-112 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-107-112>

В начале 1870-х гг. Л.Н. Толстой много сил и времени отдает работе над «Азбукой», будучи уверен в том, что этой книгой он «памятник себе воздвиг». Рассказ «Кавказский пленник», написанный для помещения в «Азбуке», как известно, входит в состав четвертой Русской книги для чтения. Впервые он был напечатан во втором номере журнала «Заря» за 1872 г. С просьбой о публикации к писателю обратился Н.Н. Страхов, что послужило началом их переписки, длившейся четверть века, а затем личного знакомства и сотрудничества.

Напечатанное в «Заре» произведение не осталось незамеченным читателями. Среди отзывов – полученное Л.Н. Толстым в октябре того же 1872 г. письмо от А.А. Толстой, с которой писатель постоянно делился самыми дорогими для себя творческими планами и мнением которой весьма дорожил. В ее письме, датированном 3 октября 1872 г., содержится отзыв о прочитанном ею новом рассказе Л.Н. Толстого. В рассказе она выделяет основные черты, новые для писателя: «особый стиль», который «доступен пониманию всех», «аромат поэзии», а также сообщает, что в ее окружении многие читающие и обладающие литературным вкусом люди «находятся, как и я, под обаянием этой истории, которая интересна всем от 7 лет до сорока» [Толстой Л.Н. и Толстая А.А.: 297].

Тема «Азбуки» не первый раз возникла в переписке Толстого с его постоянной корреспонденткой и дальней родственницей. После окончания «Войны и мира» он начал непосредственно заниматься будущей «Азбукой». Планы, наброски, относящиеся к этой работе, содержатся в записной книжке 1868 г. В этот период Толстой получил письмо от Александры Андреевны с сообщением о том, что она с удовольствием перечитывает «Войну и мир». На это писатель ответил письмом, в котором признавался, что «Война и мир» ему теперь «противна вся», а занимает его работа над «Азбукой», которую он просит свою корреспондентку не смотреть, так как она не учила маленьких детей. В упомянутом выше письме Александра Андреевна не просто сообщает о факте знакомства с новым рассказом, но и выражает неподдельную заинтересованность в новом труде писателя.

Работе над рассказами для детского чтения предшествовал глубокий творческий кризис Толстого, выразившийся в неудовлетворенности «Войной и миром», главным образом, языком этого произведения. Большое влияние в период кризиса на писателя оказывала так называемая им «народная литература». В этом понятии он объединял произведения устного народного творчества и древнерусской литературы. Напряженная работа по переделке и улучшению «Азбуки» сопровождается для Толстого глубокими раздумьями о характере и смысле писательского труда, о под-

линной народности и языке литературного произведения. Эти мысли писатель подробнее всего выразил в письмах к Страхову, ставшему в период работы над «Азбукой» одним из его самых верных помощников и доверенных корреспондентов. По просьбе Толстого он взял на себя редактирование славянских отделов и наблюдение над печатанием всего труда. На протяжении марта 1872 г. Толстой написал два важнейших письма Страхову. Вероятно, писатель делился своими мыслями именно со Страховым не случайно. Впервые в семье Толстых узнали о Страхове после появления его критических статей о «Войне и мире», которые были приняты Толстыми сочувственно. Последующее знакомство и завязавшаяся переписка, дружеское расположение, интеллектуальное общение делали Страхова тем человеком, с которым Толстой мог делиться подобными размышлениями и мог надеяться на верное понимание.

3 марта 1872 г. Толстой пишет о том, что неотступно сопровождает его во время работы над «Азбукой» и что выражает суть того творческого кризиса, который сопутствовал этой работе. «Если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка...» [Толстой 61: 274]. Собственный педагогический опыт Толстого в Яснополянской школе убедил его в том, что дети с трудом воспринимают или вообще не воспринимают язык художественной литературы. Они живо реагируют на язык, следовательно, и содержание произведений устного народного творчества. Это обстоятельство и побудило писателя напряженно работать над языком своих детских рассказов, добиваясь его точности и прозрачной ясности. Известно, что многие из небольших по объему детских рассказов «Азбуки» претерпевали по несколько редакций.

В двадцатых числах марта Толстой вновь пишет пространное письмо Страхову, возвращаясь к столь значимой для него теме. На этот раз свои мысли писатель выражает весьма эмоционально, сравнивая себя с некими абстрактными и добившимися определенного успеха зарубежными авторами, которым и в голову не пришло бы «остановиться на моем месте и задуматься о том – не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя: продолжать ли писать, поскорее свои драгоценные мысли стенографировать, или вспомнить, что и *Бедная Лиза* читалась с увлечением кем-то и хвалилась, и поискать других приемов и языка». В этом письме под горячую руку Толстому попала не только «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, он резко выступил против всех приемов и языка современной литературы, утверждая, что даже Пушкин ему «смешон, не говоря уж о наших эзукубрациях» [Толстой 61: 278].

Свою гневную отповедь современной литературе, главным образом ее языку, Толстой продолжает довольно пространными рассуждениями о том, что следует приближаться к языку, которым говорит народ, в котором присутствуют все необходимые выразительные средства. Этот язык сам он, по собственному признанию, нашел в старинных песнях, сказках и былинах. Размышления писателя о языке литературы были, как известно, связаны с проблемой народности литературы, в которой он видел задатки возможного «выплывания» в народности и очень хотел бы участвовать в этом процессе.

Содержание «Кавказского пленника», отмеченное А.А. Толстой как интересное всем, связано с именем А.С. Пушкина, упоминаемым и во втором письме Толстого. Известно, что тема Кавказа, военных действий на Кавказе, жизни горцев – одна из самых популярных в литературе первой половины XIX в., и порождена она была не только романтическим пафосом литературных произведений, но и реальной исторической жизнью. Столь же актуальной для того времени была и тема кавказского плена. Кроме «Кавказского пленника» для «Азбуки» Толстым был подготовлен еще один, не вошедший в нее рассказ на «кавказскую» тему «Храбрый солдат», повествующий о солдате, который смело и отчаянно противостоит врагам, желающим пленить его ради получения выкупа.

Во второй половине 1820 г. А.С. Пушкин под впечатлением пребывания с семейством Раевских на Кавказских минеральных водах написал поэму «Кавказский пленник», которой сам дал жанровое определение «повесть». Ее содержание несложно и памятно всем. Схематически содержание этой «повести» выглядит так: в плену у черкесов оказывается молодой русский пленник. К мучительному для него пленению присоединяется тоска и тяжелые воспоминания: «Людей и свет изведаль он / И знал неверной жизни цену». В пленника влюбляется молодая черкешенка, но он не отвечает на ее чувство. Черкешенка укоряет его в холодности, но все же помогает бежать. А когда пленник, переправившись через речку, оглядывается, то никого не видит. Он все понимает.

Свое критическое отношение к этой юношеской поэме Пушкин выражал неоднократно в письмах, в статье 1830 г. «Опровержение на критики». В этой статье он, в частности, отмечал, что в этой поэме неудачен характер героя, но принята она была лучше всего им написанного [Пушкин 1956–1958. 7: 170]. Еще более ироничный отзыв о своей поэме Пушкин выразил в 1823 г. в письме к П.А. Вяземскому из Кишинева, в котором не соглашается с упреками в том, что его герой не горюет о черкешенке и не бросился за ней в воду [Пушкин 1956–1958. 10: 56].

Как известно, название пушкинской поэмы, равно как основу сюжета и целые строки из нее

воспроизвел в своей ранней юношеской поэме М.Ю. Лермонтов. Рассказы и воспоминания о плене у кавказцев неоднократно появлялись в печати. Например, барон Ф.Ф. Торнау, полковник кирасирского полка, в середине 1830-х гг. был в Абхазии с целью негласного обследования горских аулов, где попал в плен. В «Библиотеке для чтения» был напечатан рассказ «Кавказский пленник», подписанный инициалами «Н.М.» [Н.М.].

В начале 1850-х гг. Л.Н. Толстой служил на Кавказе и однажды, 13 июня 1853 г., сам чуть не попал в плен к чеченцам, которые напали на нескольких русских офицеров, отставших от «оказии», среди которых был и он. Спустя два десятилетия Толстой написал рассказ с таким же названием для «Азбуки».

В толстовском рассказе также прослеживаются некоторые пушкинские следы. Следует заметить, что в начале своей творческой работы Толстой недооценивал прозу Пушкина, не видя в ней развитого психологизма, к которому стремился сам. В дневнике 1853 г. он записал: «Я читал «Капитанскую дочку» и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, – но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то» [Толстой 46: 187–188]. В первой половине 1850-х гг. Толстой особенно много читает, оставляя в дневнике свидетельства знакомства с выдающимися произведениями мировой литературы, в том числе и с произведениями А.С. Пушкина.

В Яснополянской библиотеке писателя сохранилось несколько собраний сочинений А.С. Пушкина, причем в основном они не были востребованы. Активно читалось в семье только одно собрание сочинений, в первую очередь, Л.Н. Толстым, оставившим в нем большое количество помет во всех сохранившихся томах. Это издание, подготовленное П.В. Анненковым [Пушкин 1855]. Сохранились не все тома этого издания: только 1, 2, 4, 5 и 6-ой тома. Самое большое количество помет, принадлежащих Толстому, осталось в первом томе этого собрания, представляющем собой первую научно подготовленную биографию поэта, составленную П.В. Анненковым на основе всех доступных ему в то время материалов: произведений поэта, черновики, писем, воспоминаний о нем, критических отзывов. Труд Анненкова по сути дела представляет собой органичный сплав биографии и анализа творческого наследия Пушкина [Тихомиров: 45].

Среди сохранившихся в первом томе помет Толстого одна прямо относится к поэме «Кавказский пленник». Анненков помещает оставшееся в черновике письмо Пушкина к Н.И. Гнедичу, в котором речь идет о «Кавказском пленнике»: «Недостатки этой повести, поэмы или чего вам

угодно – так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит к бедности изобретения, описание нравов Черкесских или отчет путешественника. Характер главного лица (а всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в каких-то несчастиях, неизвестных читателю? Его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости Горцев и к прелестям Кавказской девы могут быть очень естественны, но что тут трогательного? Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего Русского, мог быть любовником его избавительницы; мать, отец и братья ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер – всем этим я пренебрег: во-первых, от лени; во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имел я духа... Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня на счет Кавказского Пленника, но, признаюсь, люблю его, сам не зная за что: в нем есть стихи моего сердца...» [Анненков: 97]. Весь этот текст (21 строку) Толстой отчеркивает в книге вертикальной чертой, что является одной из его характерных помет в зрелом возрасте, обнаруживающих факт повышенного внимания писателя к отмеченному тексту.

Рассказ («быль») Толстого «Кавказский пленник», как представляется, написан не без учета *всех замечаний*, которые Пушкин перечислил в письме Гнедичу. В этом предположении укрепляет то обстоятельство, что уже в пятидесятые годы Толстой начинает сознательно изучать слог Пушкина, вчитываясь и вдумываясь в его произведения, о чем свидетельствуют, кроме сохранившихся отзывов, все пометы, сделанные им в издании Анненкова, однако это является предметом отдельного рассмотрения.

Итак, Пушкин отмечает следующие особенности своей поэмы: простота плана, характер главного героя, отсутствие сведений о его предшествующей жизни, бездействие героя и равнодушие к жестокости горцев; сам же указывает на то, что могло бы легко «оживить» содержание (отношение пленившего черкеса к избавительнице, самостоятельная роль в действии каждого героя).

Работа «ужасная» над языком рассказов для детей привела к тому, что история офицера Жилина, действительно, написана очень просто и лаконично, что неумовимо приближает ее к пушкинской прозе. При этом в рассказе отсутствуют пространственные описания мыслей, чувств героев. Как в прозе Пушкина, действие героя, какая-то деталь повествования дает возможность читателю сделать заключение о побудительных мотивах их поступков, их внутреннем мире. Рассказ «Кавказский пленник» помещен Тол-

стым почти в конце последней книги для чтения, то есть рассчитан на восприятие уже достаточно подготовленного маленького читателя.

Толстой значительно усложняет план своего повествования по сравнению с большинством других рассказов, написанных для детей, а также по сравнению с поэмой Пушкина. Подробно описан эпизод пленения Жилина, что восходит, вероятно, к личному опыту автора и знанию обстоятельств его службы на Кавказе. По сравнению с пушкинской поэмой, в рассказе Толстого появляются не только два пленника, Жилин и Костылин, но и большое количество других героев: аул, в котором находятся в плену герои, населен довольно большим количеством людей, каждый из которых играет какую-то роль в действии. Наконец, Жилин совершает два побега, первый из которых оканчивается неудачей и еще более жестокими условиями жизни в плену.

Подробно для такого довольно лаконичного повествования, каким является его рассказ, Толстой разрабатывает образ главного героя. Он дает предысторию пленения Жилина, через которую во многом объясняются и его предшествующая и настоящая жизнь, и условия формирования характера: это получение письма от старухи матери, которая надеется повидать сына, что вызывает в герое ответное теплое чувство [Толстой 21: 304–305].

Герой Толстого, кроме мастеровитости, смекалки, смелости, обладает достаточно твердым характером, что видно не только из его поступков, но и из того, как он выстраивает с самого начала отношения с пленившими его горцами: «Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже» [Толстой 21: 311].

Есть у Толстого и эпизод, также прямо перекликающийся с поэмой Пушкина – первая ночь в плену, когда Жилин «почти всю эту ночь не спал».

У Пушкина отмечено, что нет сведений о том, что было в прошлой жизни пленника, почему он потерял «чувствительность сердца». Этим замечанием Толстой тоже не пренебрег: он объясняет, почему Жилин отправляет на родину письмо, которое заведомо не может дойти по назначению, почему начинает целенаправленно думать о том, как бежать из плена: «Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться в конец. Бог даст – я сам выберусь» [Толстой 21: 312–313].

Подробное представление о жизни и быте горцев дают описания Толстого, не сосредоточенные в каком-то одном эпизоде рассказа – «были»: наблюдения Жилина за повседневными делами жителей аула, описание внутреннего вида дома, похороны убитого джигита, поминки и целый ряд других описаний и деталей. Таким образом, лаконичные толстовские описания складываются в довольно подробную этнографическую картину жизни горцев.

Учел Толстой и пожелание Пушкина самому себе о более подробном описании сюжетной роли других персонажей. В рассказе Толстого, помимо большого количества эпизодических лиц, действуют достаточно подробно описанные и охарактеризованные второстепенные персонажи: красивый татарин Кази-Мугамед, пленивший Жилина, и черноватый татарин Абдул-Мурат, отец Дины, перекупивший у Кази-Мугамеда пленника в счет долга. Большую роль в рассказе и судьбе пленников играет и старый татарин, живущий не в ауле, но настаивающий, как понял Жилин, на убийстве русских: «Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и 8 сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку – Богу молиться» [Толстой 21: 315].

Как положено в романтических историях, есть в рассказе Толстого и главная героиня, помогающая пленнику бежать – это татарская девочка Дина. Толстой дает очень подробное описание главной героини рассказа, ее необычной для русских детей внешности: «Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На плечах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный» [Толстой 21: 309].

С одной стороны, Толстой соблюдает все заданные параметры романтического повествования, с другой стороны, он пишет рассказ для детей, в котором неуместна была бы какая-то любовная история. Дину отличает не только живость характера, любознательность, доброта, но и бесстрашие, великодушие, сообразительность. Она расположена к Жилину и как ребенок, которому интересно наблюдать за чужеземцем, получать от него игрушки, и как чистый человек, чье сознание в силу возраста и доброты не затуманено враждой и предрассудками.

В конце рассказа, после спора татар, решивших убить русских, опасаясь нападения на аул, Дина последний раз приходит к яме, где сидят пленники, чтобы принести немного еды:

« – Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко» [Толстой 21: 322–323].

В Дине пробуждается совершенно естественное чувство жалости к пленнику, что, безусловно, оправдано психологически. Смелые действия героини не только помогают Жилину при побеге, но и закономерно завершают ее сюжетную линию в рассказе.

Внимательное, сопровождающееся многочисленными пометами чтение Л.Н. Толстым труда П.В. Анненкова, дает возможность предположить, что оно было одним из уроков творческой работы, полученных писателем. Таким образом, даже при беглом анализе рассказа заметно, что в нем учтены практически все замечания, которые А.С. Пушкин сделал себе как автору поэмы. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что отмеченный при чтении биографии поэта отрывок его письма к Н.И. Гнедичу послужил для Л.Н. Толстого настоящей школой мастерства.

Список литературы

Анненков П.В. Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

Н.М. Кавказский пленник // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. С. 17–52.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1956–1958.

Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

Тихомиров В.В. Литературная позиция А.С. Пушкина в осмыслении П.В. Анненкова // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 42–71. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71>

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Толстой Л.Н. и Толстая А.А. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011. 974 с.

References

Annenkov P.V. *Materialy k biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina [Materials for the biography of Alexander Sergeevich Pushkin]* Pushkin A.S. Sochineniia. S prilozheniem materialov dlia ego biografii, portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov i pr [Pushkin A.S. Compositions. With the attachment of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his

drawings]. St. Petersburg, P.V. Annenkov Publ., 1855. (In Russ.)

N.M. *Kavkazskii plennik* [Prisoner of the Caucasus]. *Biblioteka dlia chteniia* [Library for reading]. 1838, vol. XXXI, pp. 17–52. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t* [Complete works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1956–1958. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Sochineniia. S prilozheniem materialov dlia ego biografii, portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov i pr* [Compositions. With the attachment of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his drawings, etc.]. St. Petersburg, P.V. Annenkov Publ., 1855. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Literaturnaia pozitsiia A.S. Pushkina v osmyslenii P.V. Annenkova* [Alexander Pushkin's literary position in the understanding of Pavel Annenkov]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics]. 2020, Vol 2, № 3, pp. 42–71. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71> (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t*. [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tolstoi L.N. i Tolstaia A.A. *Perepiska (1857–1903)* [Tolstoy L.N. and Tolstaya A.A. Correspondence (1857–1903)]. Moscow, Nauka Publ., 2011, 974 p. (In Russ.)